
Т. М. Калинина

ДАРЫ И ПРИДВОРНЫЕ ЦЕРЕМОНИАЛЫ В «ЗАПИСКЕ» (*РИСАЛА*) ИБН ФАДЛАНА

В статье показаны роль и важность даров посольства Ибн Фадлана для знати огузов и владыки волжских булгар Алмыша, а также значение придворных церемоний встреч делегации иноземными правителями.

На примере сведений об огузах выявлена роль конкретных подношений, соответствие их жизненной необходимости, ценностям и традициям народа. Отмечен преимущественный интерес знати огузов к среднеазиатским нарядам и восточным пряностям. Обозначена бедность высшего слоя народа, выраженная в ветхости одежд, а нищета простонародья – в просьбе о хлебе. Выявлены случаи обмена дарами в торговой практике огузов, которые в то же время являются общими и характерными для средневековых обществ. Сведения Ибн Фадлана показывают также преимущественную ценность для огузов овец, которые зачастую служили эквивалентом в торговле.

Известия о встрече арабской делегации царем волжских булгар прежде всего показывают соответствие распорядка приема посольства Ибн Фадлана церемониалу встреч делегаций иноземных государств двором Саманидов. Последний заимствовал этикет, принятый у Аббасидов, в свою очередь восходящий к традициям Сасанидов. Особо отмечено сходство ритуала встречи делегации правителем Волжской Булгарии Алмыша с церемониями правителей Хорасана и Мавераннахра. Караван встречали высокопоставленные лица и военные с выражениями почтения и заботой о прибывших. Дары и процесс одаривания правителя Булгарии показали, что описанный регламент соответствует принятой в Аббасидском халифате и у Саманидов практике. Принятие даров и само поведение Алмыша означало давнее и глубокое знакомство царя Волжской Булгарии с принятыми в исламском мире дворцовыми традициями. Кроме того, была показана и древняя тюркская процедура – осыпание как прибывших, так и местных монетами.

Все церемонии встречи посольства, как и правила совершения ритуальных действий над владыкой булгар показывают значение делегации. С одной стороны, была продемонстрирована приверженность царя булгар мусульманству, поскольку он принял из рук Ибн Фадлана инвестиру от имени халифа Аббасидов, что усиливало его власть над подданными. С другой стороны, Алмыш, при-

знав ханафитский толк ислама, принятый у Саманидов, показал, что он более склоняется к влиянию последних. В качестве минусов значения посольства отмечается отказ вождя огузов Этрека от принятия ислама, а также недовольство Алмыша отсутствием денег для постройки крепости.

Ключевые слова: Ибн Фадлан, «Записка», посольство, дары, церемониал встреч, огузы, правитель Волжской Булгарии, Аббасиды, Саманиды

Система даров в процессе контактов между странами восходила к глубокой древности и имела весьма важное значение. Подношения как часть дипломатической практики были универсальным явлением. С помощью института даров можно было разрешить конфликт, показать возможность договоров, установить социальные связи. Их необходимость определялась политическими целями в отношениях между государствами или догосударственными обществами, а также экономическими задачами: установлением норм обмена и торговли, отдельных в каждом конкретном случае, выработкой более или менее твердых правил, обеспечивающих защиту посольств, торговых сделок, прохождения караванов или отдельных лиц в чужом государстве (Sharlet 2011). Качество и ценность приношений зависели как от сложившейся традиции, так и от информации, полученной канцелярией государства дарителей о стране, куда направлялось дипломатическое или торговое посольство. Сам выбор таких даров показывал социально-экономический уровень государства или общества, представителям которых они предназначались.

Характерным примером являются свидетельства Ахмада ибн Фадлана, секретаря посольства аббасидского халифа ал-Муктадира (908–932), отправившегося к правителю (*йылтывару*) Волжской Булгарии Алмышу в ответ на его письмо с просьбой об утверждении в вере ислама и постройке крепости для защиты от соседей (Ковалевский 1956. С. 121; [Гараева] 2021. С. 35)¹. В июне 921 – мае 922 г. делегация проделала длинный путь от Багдада до Волжской Булгарии через земли Хорасана, Хорезма и окрестные области. Сохранились уникальные заметки, которые в единственной Мешхедской рукописи начинаются фразой: «Это книга (*китаб*) Ахмада ибн Фадлана ибн ал-Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, клиента (*маула*) повелителя верующих и клиента (*маула*) Мухаммада ибн Сулаймана ал-Хашими, посланника ал-Муктадир би-л-лаха

¹ Поскольку ныне существуют многочисленные переводы на разные языки сочинения Ибн Фадлана, я использую для статьи ставший классическим перевод на русский язык А.П. Ковалевского (1956), а также учитывающий большую часть последующих поправок и уточнений, в том числе собственный перевод 2002 г., перевод Н. Гараевой (2021). Точный, но несколько облегченный перевод Вяч.С. Кулешова (2016) здесь не учтен, но его комментарии и уточнения в ряде случаев используются.

к царю славян², в которой он рассказывает о том, чему был свидетелем в стране тюрок, хазар, русов, славян, башкир и других [народов] и [приводит] различия в их верованиях, рассказы об их царях и положения во всех их делах» (Ковалевский 1956. С. 121; [Гараева] 2021 С. 37). Ученый и литератор Йакут ал-Хамави (1179–1229), включивший в свой «Перечень стран» (*Му'джам ал-булдан*) сочинение Ибн Фадлана, назвал труд «Запиской» (*Рисала*). Поскольку впервые исследователи познакомились с известиями Ибн Фадлана именно из труда Йакута, это наименование издавна утвердилось в науке и литературе.

В начале «Записки» автор говорит, что целью его участия в делегации было прочтение письма, вручение Алмышу подарков и денег для постройки крепости, а также оплаты трудов правоведов (*факихов*) и учителей (*му'аллимов*). По правилам дипломатической практики Халифата, главами должны были быть два лица, в данном случае послом (*сафир*) был назначен Назир ал-Ха(у)ррами, третий по значению чиновник, распорядитель внутренних покоев дворца халифа, что представляло собой весьма важную должность (Ковалевский 1956. С. 161, примеч. 21, [Гараева] 2021. С. 38, примеч. 2), и Ахмад ибн Фадлан, назвавший себя посланником (*расул*), обязанности которого ясны из текста его Записки. Он, таким образом, исполнял роль секретаря, но так ли она была незначительна (Кулешов 2016. С. 50) – этот вопрос не вполне ясен. Возможно, его роль была важна как второго, весьма значительного члена делегации, по регламенту двора Аббасидов, которые при организации посольства подбирали именно двоих ответственных лиц. Кроме Ибн Фадлана, были еще некоторые участники. Если в начале своей записки Ибн Фадлан называет послом (*сафир*) Назира ал-Ху(а)рами, то в дальнейшем послом (или посланником – *расул*) оказывается Сусан ар-Расси, клиент (*маула*) Назира ал-Ху(а)рами (Ковалевский 1959. С. 121; [Гараева] 2021. С. 39)³. Назир ал-Ху(а)рами, влиятельный чиновник халифского двора, и был инициатором обращения к халифу и всего предприятия в целом (Ковалевский 1956. С. 161, примеч. 20, 21; [Гараева] 2021. С. 38, примеч. 2). От него же имелись письма к владыке болгар и к властителю огузов. Поэтому роль Ибн Фадлана, везущего письма не только от Назира, но и от халифа ал-Муктадира для Алмыша, весьма важна. Именно посол, по ди-

² Этноним *ас-сакалиба* означает «славяне». Наиболее популярной считается точка зрения, по которой термином *ас-сакалиба* арабы называли не только славян, но и ряд народов Восточной Европы (Zeki Validi Togan 1939. S. 295; Ковалевский 1956. С. 159, примеч. 9; Гараева 2021. С. 37–38, прим. 5). Поэтому царь болгар пользовался этим наименованием для увеличения своей значимости перед халифом. Ряд исследователей предполагал, что это имя прилагалось к народам лесостепи в противовес степным (Гараева 2021. С. 37–38, примеч. 5).

³ Вяч. С. Кулешов предпочитает здесь множественное число («русул») от слова «расул» и считает, что речь идет обо всех перечисленных Ибн Фадланом посланниках – Саусане ар-Расси, Так(г)ине ат-Турки, Бари(ы)се (Барсе) ас-Саклаби и самом Ибн Фадлане ([Кулешов] 2016. С. 16–17).

пломатическому протоколу, должен был вручать и читать письма, вести переговоры и вручать подарки, чем и занимался Ибн Фадлан.

Деньги для Алмышы должны были быть получены позднее от влиятельного и очень богатого лица в Хорезме Ибн ал-Фурата с доходов от его поместья под названием Арсахушмисан (Ардахушмисан). Дары предназначались для самого царя, его жены, сыновей, братьев и неких предводителей. Количество и сущность приношений здесь не уточняется. Кроме того, Алмышу были отобраны, по его просьбе, лекарства.

Примерно в начале октября посольство достигло Бухары (Ковалевский 1956. С. 168, примеч. 66), где при дворе секретаря эмира Хорасана, ученого и географа Абу ‘Абдаллаха Мухаммада ибн Ахмада ал-Джайхани была сделана остановка. Ал-Джайхани встретил караван и позаботился об отдыхе приезжих, как это было принято по придворному этикету двора Аббасидов, как и Саманидов. Ал-Джайхани способствовал встрече с саманидским эмиром Насром ибн Ахмадом (914–943), которому было прочитано письмо, где излагалась просьба от Ибн ал-Фурата чиновнику Ахмаду ибн Мусе ал-Хорезми об отправке делегации, с письмом к правителю Хорезма о содействии путешественникам в пути ко Вратам тюрок (*Баб ат-Турк*, т.е. рибату Замджан на границе Хорезма на Устюрте), эскорте и устранении препятствий (Ковалевский 1956. С. 169, примеч. 77; [Гараева] 2021. С. 44, примеч. 5). Отметим, что как любезная встреча каравана, так и сам текст письма с просьбами о содействии посольству также полностью соответствовали дипломатическому церемониалу Аббасидов.

Отряд двинулся в путь, не дожидаясь приезда Ахмада ибн Мусы ал-Хорезми с обещанными деньгами и опасаясь наступления зимы. Однако зимние холода настигли его по прибытии к хорезмшаху Мухаммаду ибн ‘Ираку (Ковалевский 1956. С. 123, 171, примеч. 96; [Гараева] 2021. С. 49). Здесь делегация задержалась до марта, и только весной хорошо снаряженная команда тронулась в страну тюрок с оставшимися – самим Ибн Фадланом, послом или посланником (Сусаном ар-Расси), его родственником и двумя гулямами-тюрьками Тек(г)ином и Бар(ы,и)сом. Здесь случилось разногласие между Ибн Фадланом и прочими участниками посольства: секретарь предупредил, что у них нет денег в количестве 4000 тысяч мусайабских (т.е. среднеазиатских) динаров, которые были обещаны владыке булгар и которые так и не были получены миссией до отправления. Их отсутствие, как полагал Ибн Фадлан, может вызвать по прибытии негативную реакцию у владыки булгар, что не было принято во внимание партнерами, но сыграло свою роль в дальнейшем.

Итак, посольство тронулось путь и, перебравшись через плато Устюрт, достигло границ тюрок-огузов (*ал-гузийя*), которые произвели на Ибн

Фадлана впечатление нищих кочевников, которым недоставало хлеба, нечистых, с непривычными, на взгляд араба, чертами быта (Ковалевский 1956. С. 125–130; [Гараева] 2021. С. 55–61). Ибн Фадлан был выходцем из страны с высокой культурой, со своими традициями, с единой религией и уверенностью в преимуществах ислама перед другими верованиями. Впечатления о роскоши и пышности двора халифов в Багдаде резко контрастировали с укладом жизни прочих высокопоставленных лиц тех народов, к которым попал Ибн Фадлан. Поэтому любые иные проявления обычаев иноземцев воспринимались им как странные и непривычные (см. также: Алнаддаф 2018. С. 104).

Описывая жизнь огузов, Ибн Фадлан отмечал, что при сватовстве огузу следовало платить за невесту некоторое количество лошадей или верблюдов, но равнозначными являлись и хорезмийские одежды, что говорит о ценности последних в обществе огузов. В пути следования через их страну торговцы-мусульмане привозили человеку, у которого они останавливались, одежды, покрывало для жены, немного перца, проса, изюма и орехов. Прибывший получал жилье, овец или верблюдов и коней, но при возвращении купец отдавал то же количество скота. Если последний умирал в дороге, то огуз возвращал себе соответствующее количество дирхемов (так!) или отбирал у несговорчивых те дары (какие именно – неизвестно), которые получил ранее мусульманской гость (Ковалевский 1956. С. 126–127; [Гараева] 2021. С. 55). Эта ситуация возврата или, точнее, отдачи полученного дара, добровольной или принудительной, подчеркивает общемировую практику в архаических обществах, где обмены осуществлялись в форме подарков, теоретически добровольных, в действительности же обязательно вручаемых и возмещаемых (Mauss 2002. Р. 19–20). В данном случае, однако, речь идет, по-видимому, о некоем присущем всякому обществу пережитке, поскольку общество огузов в это время нельзя считать архаическим: налицо и социальное расслоение, и развитая торговая деятельность.

Большую ценность для огузов представляли овцы: так, расплата за растление, совершенное мусульманским купцом, сына одного из огузских вождей Кударкина, оценивалась в 400 овец.

Ибн Фадлан рассказал о пребывании посольства у царя (*малика*) огузов Йинале Младшем. Когда последний усомнился в том, что ему следует пропустить караван через свои земли, ему были преподнесены подарки: джурджанский кафтан стоимостью в 10 дирхемов, кусок материи пайбаф (из города Нишапур, вытканной на ножном станке), лепешки хлеба, пригоршни изюма, сто орехов. Тогда дорога была открыта. При этом Йинал отметил, что он непременно отблагодарил бы дарителей, если бы его дом не находился в этот момент слишком далеко от дороги. В данном

случае также имеет место общемировая традиция ответной награды за полученные дары (Grierson 1959. С. 137). Такой обычаем обязательного эквивалентного возврата демонстрирует примитивные обменно-торговые отношения, не похожие на случаи богатых подношений и отдачи за них между царствующими домами высокоразвитых государств, как, например, Византии и Халифата.

Делегация мусульман по пути побывала у одного из вождей огузов Этрека сына Катагана (Ковалевский 1956. С. 129; [Гараева] 2021. С. 59), местного аристократа со свитой и челядью, предоставившего путникам юрты, овец и лошадей. Все это было выделено в ответ на посольские подарки: одежды, изюм, перец, просо. Часть подношений была отнесена «предку» – Катагану, отцу Этрека, в силу местных обрядов. Помимо лепты приезжих, Этреку было вручено письмо от вероятного инициатора миссии Назира ал-Ху(а)рами. В нем вельможа предлагал военачальнику принять ислам и посылал приношения: 50 динаров (в том числе мусаййабских), три мискаля мускуса, красные кожи, две мервские одежды, из которых были скроены две куртки, сапоги из красной кожи, две мервские парчовые и пять шелковых одежд, для жены – покрывало и перстень. Сам командир был одет в парчовую куртку, но очень старую и изношенную. В данном случае презенты были поднесены не только и не столько из благодарности за любезный прием, сколько в надежде на перемену старой языческой религии на мусульманство. Несмотря на дары и письмо Назира, принять ислам Этрек отказался, пообещав решить вопрос по возвращении каравана, о чем ничего не известно.

Кроме Этрека, посланники встретились с подчиненными ему вождями, главным из которых был Тархан. После спора о дальнейшей судьбе каравана ему было разрешено следовать дальше. Вожди же получили свою часть даров: Тархан – мервский кафтан и два куска материи пайбаф, его партнеры – перец, просо, лепешки хлеба.

Данные Ибн Фадлана ярко демонстрируют явное социальное неравенство общества огузов хотя бы на примере простого вымогательства бедняками хлеба (*паканд*) (Ковалевский 1956. С. 128; [Гараева] 2021. С. 49, 57). Заметна также иерархия верхов при выборе подношений: одним – одежду и ткани, другим – хлеб, просо, пряности. Выбор даров для представителей высшего слоя был основан на их насущных нуждах, о которых были заранее осведомлены близкие к огузам лица, гулямы-тюрки Тек(г)ин, и Бар(ы,и)с ас-Саклаби. Не исключено, что с караваном ехал портной, который и изготавливал на месте упомянутые предметы одежды и обуви из запасов, которые вез с собой караван, что показывает, во-первых, известную членам делегации и портному из ее числа склонность тюрокских владык к вещам из мусульманских областей Средней

Азии (среднеазиатские дирхемы, материя из Нишапура, мервские и ургенчские=*джурджанские* одежды и обувь из кожи), во-вторых, хорошую осведомленность посланников о вкусах огузских высокопоставленных лиц (Noonan 2000. С. 104).

После долгого и трудного пути – переправ через реки, минования страны башкир и печенегов (здесь Ибн Фадлан не упоминал о подношениях), посольство прибыло в страну волжских болгар (Ковалевский 1959. С. 130–131; [Гараева] 2021. С. 64). Четыре подвластных Алмышу владыки (*ал-мулук*), его братья и сыновья встретили делегацию презентами: хлебом, мясом, просом. Выехавший навстречу царь (*йылтывар*) Алмыш выразил благосклонность и выказал уважение пришедшим сошествием с лошади, падением ниц, поклонами и благодарением Аллаху, россыпью дирхемов из рукава.

Церемония встречи посольства Халифата владыкой волжских болгар совпадает с описанием церемоний приема делегаций правителей Хорасана и Мавераннахра. Последние восприняли ритуалы двора Аббасидов, восходившие к традициям Сасанидов. Посла иностранного государства на границе должны были встречать и сопровождать до столицы военные. В нашем случае это были сыновья, братья и родственники Алмыша, которые таковыми и были (Измайлов 2021. С. 392). Пункт назначения послов украшался, встречающие забрасывали послов монетами. Церемониал встречи известен из данных о такого же рода обрядах при дворе Газневидов XI в., но это были отголоски более ранних, ставших традиционными ритуалах при Сасанидах, перешедших к Саманидам (Хусенов 2015. С. 22–27).

Прибывшие были поселены в юртах. Через несколько дней они, развернув два знамени, обрядили коня подарочным седлом для царя, надели на него *савад* (черное одеяние аббасидских придворных) и тюрбан. Письма читал Ибн Фадлан, после чего спутники Алмыша осыпали его дирхемами. Затем состоялось вручение подарков: благовония, одежды, жемчуга для самого царя и его жены, для нее еще и одеяние, после чего она тоже была усеяна дирхемами (Ковалевский 1956. С. 131; [Гараева] 2021. С. 65–66). Осыпание прибывших монетами, как было отмечено выше, применялось также при дворе Газневидов, что снова подчеркивает длительную традицию церемониалов (Хусенов 1915. С. 22–23).

Ибн Фадлан отметил, что во время последующего приема царь восседал на троне, покрытом византийской парчой, далее он упоминал о византийской парче под тронном и армянских коврах на полу царской юрты (Ковалевский 1956. С. 131, 137; [Гараева] 2021. С. 66, 75). Не исключено, что эти ковры в ставке Алмыша и были постелены для украшения по случаю приема послов. Наличие раритетов в доме болгарского владыки

может означать и торговые связи, и получение даров от прибывающих сюда купцов (Cutler 2008. С. 289). Праздничный пир состоял из мяса, которое раздавал сам царь, и медового напитка под названием *суджув* (Ковалевский 1956. С. 132; [Гараева] 2021. С. 66). Церемония передачи яств выражала уважение послам, поскольку им первым были предоставлены блюда. Прославление Аллаха владыкой при принятии суджува показало, что он являет присутствующим представителям соседних племен, как и родственникам свою приверженность исламу и учтивость по отношению к послам. При этом сама процедура с использованием мяса напоминает старинный традиционный тюркский пир при вступлении царя на престол, когда сидящие за столом получали из рук суверена куски мяса, что символизировало нечто вроде присяги верховному владыке. Такой обычай был замечен при дворе Сельджукидов (Гордлевский 1942. С. 52), но старинные обычаи сохранялись веками, что и отразилось ранее при дворе Алмыша. Можно полагать, что этот царь таким образом демонстрировал и свое единовластие перед «гостями».

Рассказ Ибн Фадлана о дарах и церемонии приема послов указывает на знакомство владыки булгар с церемониальными правилами при дворах исламских правителей Багдада, Хорасана, Хорезма. Это означает, что такие традиции были понятны и приняты йылтываром еще задолго до приезда делегации из Багдада в 922 году.

Посольство от ал-Муктадира, с одной стороны, не достигло цели: ислам не был принят огузами, несмотря на подарки; Алмыш, будучи разочарован отсутствием у прибывших денег на постройку крепости, оставил провозглашение икамы (призыва к молитве) дважды, по ханафитскому мазхабу, принятому в государствах Средней Азии, в то время как в Багдаде икама возглашалась единожды – по шафиитскому мазхабу (Ковалевский 1956. С. 119, примеч. 415; [Гараева] 2021. С. 68–70). Алмыш также продемонстрировал знание церемониалов среднеазиатского мусульманства, приверженность этим правилам, как и древних тюркских традиций.

Вместе с тем посольство Ибн Фадлана помогло Алмышу принять инвестиру от имени халифа Аббасидов, после чего началась чеканка монет с его новым именем Джа‘фар ибн ‘Абдаллах и титулом «эмир», что знаменовало укрепление власти царя и начало становления нового независимого, исламизированного этапа развития государства.

- Алнаддаф С.Н.* Образ Европы в представлении арабов в Средние века: факторы формирования образа // История повседневности. 2018. № 2 (7). С. 98–108. [*Alnaddaf S.N.* Obraz Evropy v predstavlenii arabov v Srednie veka: factory formirovaniya (The Image of Europe in the Arab World in the Middle Ages: Factors in the Formation of the Image) // Istorija povsednevnosti. 2018. № 2 (7). S. 98–108.]
- [*Гараева Н.Г.*] I. Ибн Фадлан // Духовное наследие. Поиски и открытия. Письменные памятники Волжской Булгарии... = Руhi мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Идел буге Болгар дәүләте язма истәлекләре / Сост. Н. Гараева. Казань, 2021. Вып. 12. С. 18–96. [*Garaeva N.G.* Ibn Fadlan // Duhovnoe nasledie. Poiski i otkrytiya. Pis'mennyye pamyatniki Volzhskoi Bulgarii = Ruhi miras:ezlänulär һәм tbyishlar. Idel bue Bolgar дәүләте язма истәкләре.... Kazan, 2021. Вып. 12. S. 18–96.]
- Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941. [*Gordlevskiy V.A.* Gosudarstvo Sel'dzhukidov v Maloi Azii (The Seljuk Empire in Asia Minor). Moscow; Leningrad, 1941.]
- Измайлов И.Л.* Средневековые болгары: становление этнополитической общности в VIII – первой половине XIII века. Казань, 2022. [*Izmailov I.L.* Srednevekovie bulgary: stanovlenie etnopoliticheskoy obshnosti v VIII – pervoi polovine XIII veka (Medieval Bulgars: Formation of an Ethnopolitical Community in the 8th – First Half of the 13th Century). Kazan, 2022.]
- [*Кулешов Вяч.С.*] Книга Ахмада ибн Фадлана / Перев. с араб. и примеч. Вяч.С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М., 2016. С. 14–45. [*Kuleshov V.S.* Kniga Ahmada ibn Fadlana (Book of Ahmad ibn Fadlan) / Perevod s arabskogo i primechaniya Vyach. S. Kuleshova // Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskiy put' ot Bagdada do Bulgara: katalog vystavki. Moscow, 2016. S. 14–45.]
- Кулешов Вяч.С.* «Книга Ахмада ибн Фадлана» как литературный памятник и исторический источник // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М., 2016. С. 49–56. [*Kuleshov V.S.* «Kniga Ahmada ibn Fadlana» kak literaturniy pamyatnik i istoricheskij istochnik (The Book of Ahmad ibn Fadlan as a Literary Monument and a Historical Source) // Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskiy put' ot Bagdada do Bulgara: katalog vystavki. Moscow, 2016. S. 49–56.]
- Хусенов Ф.Р.* Церемониалы встреч и проводов послов аббасидских халифов при Газневидах // Вестник ТГУПБП. Худжанд, 2015. № 2 (63). С. 22–27. [*Huseinov F.P.* Tseremonialy vstrech i provodov poslov abbasidskih halifov pri Gasnevidah (Ceremonies of Meeting and Seeing off the Ambassadors of the Abbasid

Caliphs under the Ghaznavids) // Vestnik TGUPBP. Hudjand, 2015. № 2 (63). S. 22–27.]

Cutler A. Gifts and Gift Exchange as Aspects of the Byzantine, Arab and Related Economies // DOP. 2001. Vol. 55. P. 247–278.

Grierson P. Commerce in the Dark Ages: A Critique of the Evidence // Transactions of the Royal Historical Society. L., 1959. 5th Series, Vol. 9. P. 123–140.

Mauss M. The Gift. The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies / Transl. by W.D. Halls. L.; N. Y., 2002.

Noonan T.S. Dress and Clothing along the Central Asian – Middle Volga Caravan Route, ca. 922: the Evidence of Ibn Fadlan // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Междунар. археол. конф-ции (14–18 марта 2000 г.). Самара, 2000. С. 102–105. [Kul'tury stepyev Evrazii vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (iz istorii kostyuma). Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoy arheologicheskoy konferentsii (14–18 marta 2000). Samara, 2000. S. 102–105.]

Sharlet J. Tokens of Resentment: Medieval Arabic Narratives about Gift Exchange and Social Conflict // Journal of Arabic and Islamic Studies. 2011. № 11. P. 62–100.

Validi Togan A.Z. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939.

Tatyana M. Kalinina

GIFTS AND COURT CEREMONIES IN IBN FADLAN'S *RISALAH*

The article shows the role and importance of gifts prepared by the embassy of Ibn Fadlan for the nobility of the Oghuz and the ruler of the Volga Bulgars Almysh. The delegation considered necessity, the importance and value of gifts for the Oghuz. Attention was paid to cases of gift exchange. The nature of presents and their mutual exchange, common to all medieval societies, is also revealed.

The schedule of reception of Ibn Fadlan's embassy corresponded to the ceremonial of meetings and preparation for them for delegations of foreign states by the court of the Samanid states. The rules of etiquette were borrowed by the Samanids from the Abbasids, going back to the traditions of the Sassanids. The similarity of the ritual of the meeting of the delegation by the ruler of the Volga Bulgaria Almysh with the etiquette of the Samanids is noted. The described regulation corresponds to the practice adopted in the Caliphate and among the Samanids, which means a long and deep acquaintance of the king of the Volga Bulgaria with palace traditions accepted in the Islamic world.

Key words: Ibn Fadlan, *Risalah*, embassy, gifts, meeting ceremony, Oghuz, ruler of Volga Bulgaria, Abbasids, Samanids

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-257-266